

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Исторический факультет

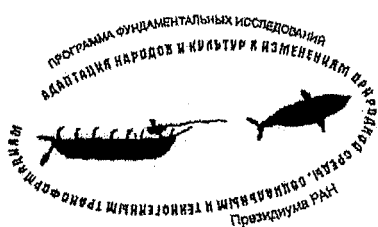
Кафедра археологии

**СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ:
ХРОНОЛОГИЯ, АТРИБУЦИЯ,
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Материалы тематической научной конференции

Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г.

Санкт-Петербург
2008

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук. Д. Г. Савинов (отв. редактор),
канд. ист. наук В. Н. Седых, канд. ист. наук В. И. Беляева,
Н. А. Лазаревская (члены редколлегии)

Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции.

Санкт-Петербург — 16–19 декабря 2008 г. 285 с.

Сборник содержит материалы VII (заключительной) Международной тематической научной конференции, посвященной отдельным видам археологических источников. Представлена широкая география случайных находок последних лет. Публикуются новые материалы различных исторических эпох (от палеолита до средневековья). Рассматриваются теоретические вопросы, связанные с условиями нахождения и интерпретацией случайных находок. Сборник представляет интерес для археологов, историков, искусствоведов и всех интересующихся вопросами культурного наследия народов нашей страны.

*В оформлении обложки использованы
рисунки А. К. Филиппова, иллюстрации к докладам
А. Н. Ворошилова и К. А. Руденко.*

Таким образом, анализ данного материала позволяет утверждать, что случайная находка женских украшений из курганной группы у дер. Бацкино относится к кругу древностей кривичского племенного союза славян. Погребение принадлежало женщине, имевшей высокий социальный ранг, о чем свидетельствует богатый набор достаточно дорогих украшений. Выстраивая хронологическую шкалу бытования предметов, входящих в состав данной коллекции, можно сделать вывод о том, что они были помещены в курган вместе с умершей в XI в., что подтверждается наличием среди находок прямых закраинных пластинчатых перстней и трубчатой шарнирной гривны, бытовавших только в рамках XI в. Не противоречат указанной дате и такие черты погребального обряда, отмеченные для разрушенного кургана, как трупоположение в основании насыпи на площадке, подвергавшейся очистительному воздействию огня. Как известно, подобный обряд существовал у смоленско-полоцких кривичей в XI – нач. XII в. (Седов 1982).

Л. Д. Макаров

г. Ижевск

ЯЗЫЧЕСКИЕ АМУЛЕТЫ-«ПЕРУНЧИКИ» РУССКОГО СЕВЕРА: АРЕАЛ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АТТРИБУЦИЯ

На протяжении к. XIX–XX в. на довольно значительном пространстве севера Восточной Европы — от Новгорода на западе до Приобья на востоке, от Северного Прикамья на юге до о. Вайгач на севере — было обнаружено, по известным мне данным, шесть бронзовых статуэток (Рис. 1).

Судя по всему, самой ранней находкой стала статуэтка из Вятки, обнаруженная «в Вятке... на глубине аршина» (Спицын 1893. С. 187). Это статуэтка мужчины с бородкой и в шапочке. Левая рука его уперта в бедро, а правая поднята вверх и держит какой-то изогнутый предмет, вероятно, рог (Рис. 1, 5). Поскольку статуэтка в настоящее время утрачена, ее изображение взято из статьи П. М. Алешковского (1980), который позаимствовал рисунок из работы А. А. Спицына (1914).

Совершенно аналогичная фигурка была обнаружена в нач. XX в. Вторушиным либо Б. Н. Городковым в сборах на Кинтусовском могильнике в Среднем Приобье (X–XIII вв.

(Чернецов 1957). Фигурки, отличающиеся положением правой руки (она упирается в бок), обнаружены в Пермской губернии (Чердын, Редикор) не позднее нач. XX в.; в 1975 г. в Новгороде в слое сер. XII в. в усадьбе церковнослужителя и художника Олисея Гречина (Алешковский 1980; Седова 1981); в 1985–1987 гг. во время раскопок Л. П. Хлобыстиным святилища Болванский Нос на арктическом о. Вайгач среди комплекса находок XI–XIII вв. (Хлобыстин 1993; Овсянников 1997).

Находки представляют собой отлитые из бронзы плоские фигурки бородатых мужчин с удлинненной книзу головой и, по-видимому, в шапочке (или шлеме), переходящей в ушко для подвешивания. Выделяется два типа изделий. Тип 1. Фигурки одеты в рубахи, поверх которых отливкой (Рис. 1, 1) или гравировкой (Рис. 1, 2–4) изображены кольчужные кольца. Ниже пояса располагается расширяющийся вниз до колен и обозначенный вертикальными складками либо подол той же рубахи, либо короткая юбочка, но, судя по фигуркам типа 2, все же предпочтительнее первая трактовка, что как будто подтверждается славянскими (Седов 1986) и древнерусскими традициями (Рабинович 1986). Ступни ног выделены, руки согнуты в локтях, при этом левая рука упирается в поясицу, правая — в бок грудной клетки. Высота фигурок 68–71 мм (последняя цифра, по-видимому, не точна, так как на рисунках и фотографиях в публикациях находки с о. Вайгач (Хлобыстин 1993; Овсянников 1997) масштабы разнятся, а размеры не указаны, что вынудило автора корректировать ее размеры). Похоже, что три фигурки (Рис. 1, 2–4) отлиты в одной литейной форме, а затем обработаны резцом.

Тип 2 (2 экз.) отличается тремя деталями: во-первых, положением правой руки, которая держит расширяющийся кверху изогнутый предмет — очевидно, рог (Рис. 1, 5, 6); во-вторых, размерами — их высота 71 и 70 мм; в-третьих, видимым отсутствием гравировки по рубахе цельного покроя.

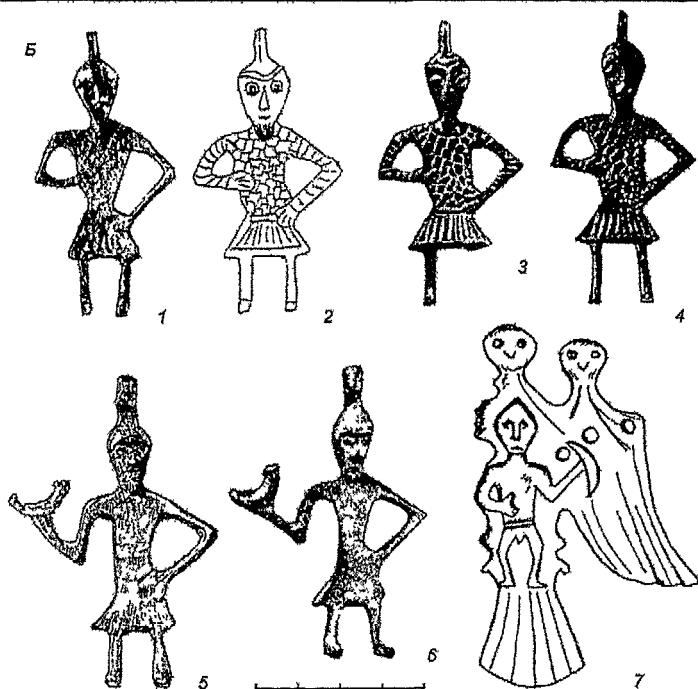
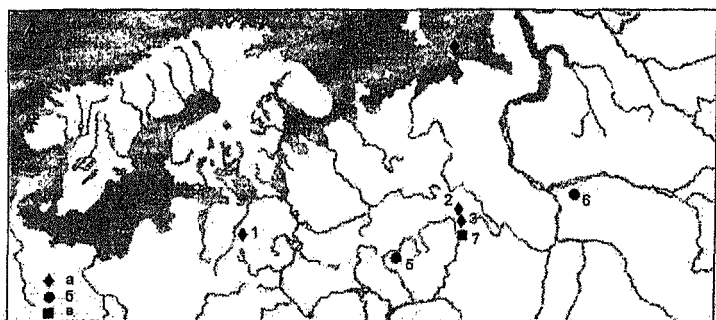

Рис. 1. «Перунчики» Русского Севера.

А — карта распространения находок (а — подвески типа 1; б — подвески типа 2; в — птицевидная подвеска с изображением воина). Б — 1–6 — бронзовые языческие подвески-«перунчики»; 7 — птицевидная подвеска (1 — Новгород; 2 — Чердынь (Пянтер?); 3 — Пермская губерния (Редикор); 4 — о. Вайгач; 5 — Вятка; 6 — Кинтусово; 7 — Верхнее Мошево)

Рассматриваемые подвески трактовались авторами как языческие амулеты-обереги. Разница же во взглядах касалась этнокультурной их принадлежности, ограничиваясь, по существу, двумя версиями: пермской и славянской. А. А. Спицын считал вятского идола вотяцким богом грома, отметив при этом, что фигурка сделана более искусно, чем чудские изделия (1893). Н. Г. Первухин связал эту находку с воршудом-покровителем каждого вотяцкого рода, который подвешивался в ожерелье с бусами (1886). Пермский автор В. Ф. Ульянов (1973) рассматривает пермские и вятскую подвески и приходит к выводу о монголоидном облике личин у изображенных фигур, то есть косвенно признает их пермское происхождение. П. М. Алешковский считает точку зрения Н. Г. Первухина ошибочной и предполагает принадлежность рассматриваемых амулетов «не одному роду, а всему народу в целом или, скорее, определенной социальной верхушке общества, нуждающейся в воинственном божестве — покровителе» (Алешковский 1980. С. 286). Вопреки мнению В. Ф. Ульянова Алешковский считает, что узкие бороды на личинах амулетов указывают не на монголоидное их происхождение, а скорее «подчеркивают принадлежность идола к разряду суровых дружинных богов, таких, как Перун, Тор и им подобных, о чем свидетельствуют динамичность поз изображений, наличие кольчуги, а также рог в руке одной статуэтки — атрибуты воина-дружинника» (Там же). Таким образом, автор этих рассуждений не решается дать однозначного ответа на вопрос о происхождении статуэток. И в заключение он приводит мнение археологов — крупных специалистов по древней истории Руси — условно назвавших новгородскую находку Перуном (Янин, Колчин, Хорошев 1976). Это мнение нашло поддержку М. В. Седовой (1981), предположившей об изъятии идола Олисеом Гречином у одного из прихожан-язычников. Любопытно, что близкое по оформлению изображение мужской усатой фигуры на 4-гранном стержне, обнаруженное в синхронном слое Новгорода, также соотнесено М. В. Седовой с Перуном (Там же), и она допускает, что «эти фигурки мужского божества являются древнейшим свидетельством о пребывании новгородцев в Приуралье» (Седова 1981. С. 175).

Еще в середине 1950-х гг. В. Н. Чернецов писал о находке из Кантусово: «Последняя несомненно привозная; близкие ей фигурки известны из самых различных мест, никак не связан-

ных с Приобьем» (Чернецов 1957. С. 224). В. А. Оборин (1990) также отмечал значительное отличие рассматриваемых находок от местных изображений человеческих фигур и считал их языческими славянскими изображениями Перуна. Заметна близость наших идолов православным фигуркам ангелов, обнаруженным вместе с «перуном» в слое святилища Болванский Нос на о. Вайгач (Хлобыстин 1993; Овсянников 1997).

В 1994 г. Г. А. Бординских (1995) на селище у с. Верхнее Мошево (Соликамский р-н Пермской обл.) в культурном слое наряду с родановской и русской керамикой (X–XIII и XVII в.) обнаружена обломанная птицевидная подвеска с изображением человеческой фигуры, похожей по сюжету на рассматриваемые находки, особенно из Вятки и Кинтусово (Рис. 1, 7). Это стало лишним аргументом для автора связать наши подвески с изображением пермского бога Войпеля.

Его поддержали и другие пермские коллеги (Белавин 2000; Мельничук; и др.). Однако сюжетная близость рассматриваемых находок изображению из Верхнего Мошева все же не абсолютна: во-первых, вырезанная на подвеске фигурка близка отнюдь не пермским артефактам (тип 1), а вятскому и кинтусовскому (тип 2), хотя территориально найдена недалеко от первых; во-вторых, фигура имеет фаллическое изображение и не имеет расширяющейся книзу рубахи. Тем не менее, надо признать, что близость данного «рисунка» нашим «перунам» бесспорна. Думается, что мы имеем здесь дело не столько с культом Войпеля, сколько с влиянием пришлого в Верхнее Прикамье славянского культа Перуна на местное язычество, о чем немало писал В. А. Оборин.

Таким образом, прав, очевидно, В. В. Седов, который называет новгородскую и другие находки предметами древнерусского происхождения, часть которых попала в Прикамье (1982). Данные находки не раз публиковались и мною (Макаров 1993; 1994; 1995; 1995а; 1996; 2000; 2001; 2003). Я продолжаю считать рассмотренные здесь амулеты изображениями славянского языческого бога Перуна.

Не исключено, что фигурки изготавливались в Новгороде специально на вывоз в Прикамье или попадали на восток вместе со славянами-переселенцами, где нашли отражение и в местной металлической пластике.